

МОРСКОЙ СБОРНИК

3 • 1986

«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»

Петр КАПИЦА

Петр Иосифович Капица — один из старейших писателей-маринистов. Он уроженец города Сувалки, ныне расположенного на территории Польши. Учился в ФЗУ, на рабфаке, в 1934 г. окончил Ленинградский инженерно-экономический институт. Им написано немало книг: диалогия «Когда исчезает страх», романы «Неслышимый зов», «Завтра будет поздно», повести «Правила весны», «Рыбачки и водолазы», «Черноморский юнга», «В дни разлук», «Ревущие сороковые», «Наши годы», «Морские традиции», «Лесочка», «Преддипломная практика»...

Капица следует за ходом истории своего народа. Герой созданных им произведений, как правило, его современник и друг, который мальчишкой прошел через трудности первых лет революции, подростком вложил частицу своей жизни в дело индустриализации страны, юношей в 30-е годы учился, закладывал основы советского спорта, в 40-е был в строю защитников Родины, в послевоенное время нашел применение своим силам и способностям в героическом труде военных моряков.

Одна из лучших книг Капицы — «В море погасли огни». Материалом для нее послужили военные дневники, которые вел писатель на трех флотах. Документальные повести в сборнике окрашены трагизмом войны. Но трагические страницы в них — это страницы страстного, неукротимого мужества, массового героизма. Героика прорастает через трагизм, захватывает читателя накалом борьбы. Гнев, упорство, бесстрашие определяют собой общий дух всей книги.

Публикуем исторический очерк П. Капицы «Полярная Звезда», специально написанный для нашего журнала.

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ у кораблей. Одни прославляются в морских сражениях и их с почтением упоминают историки, изображают в картинах художники, другие ведут жизнь неприметных работяг, снующих по морям и океанам, и умирают безвестными, ржавея на задворках захламленных заливов, пока не распилят на части и не переплавят.

У этого корабля удивительная судьба. Он устаивался царских почестей, его палуба видела неистовых революционных матросов, отбивался в боях от авиации и, как наседка, кормил, снабжал и выпускал в автономное плавание дивизионы стальных птенцов. И погиб, прожив более семидесяти лет, как боевой корабль.

Родился он в яркий майский день 1890 года в Санкт-Петербурге на Балтийском заводе. Его строили как прогулочную яхту для царей. Он имел мачты для парусов и машину, дающую ход в безветрие. Во время его спуска со стапелей на воду присутствовал со своей свитой Николай Второй. Когда выбили клинья и днище корабля, дымясь, заскользило по намыленному слипу, заиграл духовой оркестр, а судостроители принялись подбрасывать шапки вверх и кричать «Ура!». Высокая железная коробка сошла на воду и слегка закачалась на невских волнах.

Тут с кормы было сброшено продолговатое полотнище, и все прочли имя корабля — «Полярная Звезда», составленное из позолоченных букв.

По вместимости «Полярная Звезда» походила на крейсер. На ее носовой палубе были установлены шесть пушек для торжественных салютов, а салоны и каюты отделаны редкими породами экзотических деревьев.

Центром корабля считались царские хоромы — огромная гостиная, просторный кабинет, спальня, ванная комната. Рядом — пышные покои царицы. По бо-

кам и ниже разместились каюты статс-дам и камер-фрейлин, обер-гофмейстеров, гофмаршалов, обер-церемониймейстеров, всякой ливрейной челяди, оркестрантов. Команда моряков ютилась почти в трюме у машинного отделения.

Вскоре трюмы были наполнены льдом, бочками и ящиками с вином, колбасами, копчениями, соленьями, семгой, осетрами, черной и красной икрой, клюквой, капустой, свежими и сушеными фруктами.

На «Полярной Звезде» царская чета совершила свадебное путешествие во Францию. На ее борту в салоне и обширной кают-компании устраивались балы и сверкающие хрусталем приемы. Пушки стреляли неоднократно, им вторили береговые орудия.

Корабль возвращался в Россию без царя, его двора и прислужников. Николай Второй на время остался в Европе — встретиться с многочисленными отпрысками царствующих семей.

Чтобы у яхты не было пустого рейса, ее для рекламы зафрахтовал знаменитый питерский купец Елисеев, имевший самый модный магазин на Невском проспекте.

Позже, когда у царской четы появились дочери и наследник, лучшие каюты приспособили для них. Бывал здесь и Григорий Распутин. Все было застлано коврами и увешано иконами. Еще больше пришлось потесниться корабельной команде.

В состав русского флота входила целая эскадра императорских яхт — 24 судна, построенные во второй половине прошлого века и в начале нашего столетия. Многие из них заказывались на зарубежных верфях. Поэтому все они не походили одно на другое. Плавали мало, но ежегодно весной начинали кампанию и спускали флаг лишь глубокой осенью. Яхты «Штандарт» и «Полярная Звезда», всегда готовые к походу, стояли на якоре Кронштадтского рейда, а остальные — «Александрия», «Царевна», «Марево», «Онега», «Стрела», а также большие паровые катера находились в Новом Петергофе. Для них были сооружены специальные пирсы. Охрану морской императорской резиденции несли военные суда «Дозорный» и «Разведчик».

«Полярная Звезда» предназначалась не только для увеселительных походов, на ее борту тайно встречались государственные деятели. В ее салонах плелись закулисные интриги, подготавливалась война, которая разразилась в августе 1914 года.

В семнадцатом году «Полярную Звезду» захватили восставшие моряки. На ней разместился штаб революционных матросов — Центробалт. Здесь сколачивал боевые отряды Дыбенко. Это радиостанция «Полярки» посылала проклятья фальшивому революционеру и требовала от Центрального Исполнительного Комитета «немедленного удаления из Временного правительства авантюриста Керенского, позорящего своими бесстыдными действиями и наглым политическим шантажом великую революцию»: «Тебе же, продавшему революцию, Бонапарту-Керенскому шлем проклятие в тот момент, когда наши товарищи гибнут под пулями и снарядами и тонут в волнах Балтийского моря, призывая защищать революцию...»

Ключом радиста отстукивалось воззвание моряков народам мира:

«Братья! В роковой час, когда звучит сигнал боя, сигнал смерти, мы возвышаем к вам свой голос, мы посылаем вам свой привет и предсмертное завещание. Атакованный превосходящими германскими силами, наш флот гибнет в неравной борьбе. Ни одно из наших судов не уклонится от боя, ни один моряк не сойдет побежденным на сушу... Флот исполнит свой долг перед Великой революцией. Мы обязались твердо держать фронт и оберегать подступы к Петрограду. Мы выполним свое обязательство. Мы выполняем его не по приказу какого-нибудь жалкого русского Бонапарта, царящего милостью долготерпения Революции. Мы идем в бой не во имя исполнения договоров наших правителей с союзниками... Мы исполняем верховное веление революционного сознания».

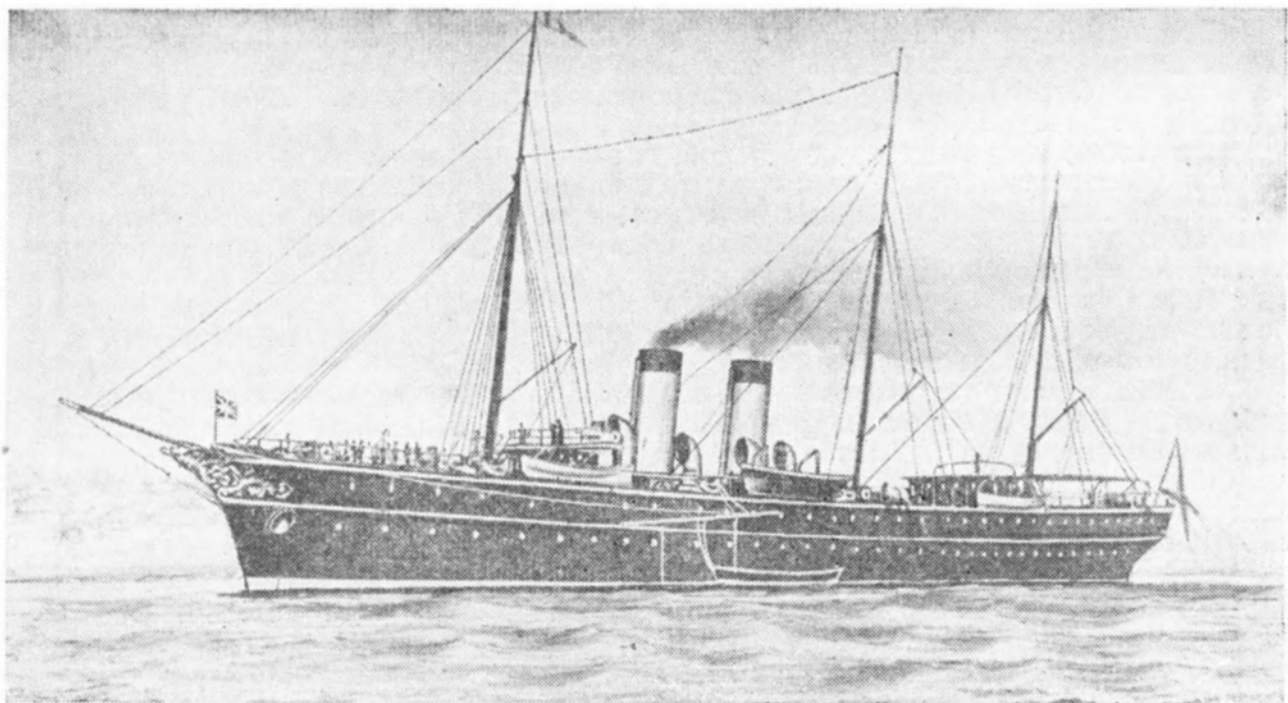
После Октябрьской революции имя «Полярной Звезды» померкло. Она превратилась в плавучую казарму поредевшего военного флота. Отапливалась не машинным паром, а самодельными «буржуйками», трубы которых выводились в иллюминаторы.

Потом, когда военный флот республики начал оживать и на заржавленные корабли пришли тысячи комсомольцев, она стала казармой школы подводников.

Я ПОПАЛ на «Полярную Звезду» в первую неделю Отечественной войны. Она была базой второй бригады подплава Балтики. Стояла в минной гавани Таллина. На ее борту находились штаб соединения и всякого рода специалисты, обслуживавшие дивизионы «щук» и «малюток».

«Полярная Звезда» еще кое-что сохраняла из прежней роскоши. Ее салон, кают-компания и многие каюты сверкали полированным деревом и позолотой. Обед подавался в шикарной посуде, а салфетки и роскошная скатерть на длинном столе имели царские вензеля.

Мне досталась каюта, находившаяся над пороховым погребом. Первое время было не по себе от того, что «выше всех» взлечу на воздух. Но потом, увидев,

Яхта «Полярная Звезда»

сколько зловеще поблескивающих торпед загружают в трюмные помещения, понял, что в случае неудачи всех ждет одинаковая участь.

На десятый день войны мы покинули Галлинский рейд и направились в Лужскую губу. Шли всю ночь парадным ходом — шесть-семь узлов. Утром попали в туман. Стали бить в колокол, чтобы не столкнуться со встречным судном. А услышав взрыв, бросили якорь. Катера, сопровождавшие нас, стали ходить кругами, охранять от неожиданностей.

На верхней палубе легли вдоль бортов наблюдатели. Они всматривались в молочную пелену — не покажется ли где рогатый купол мины или глазок перископа?

Подошло обеденное время. «Бачковой тревоги» в этот день не играли. Обед проходил в две-три смены. Одни питались, другие наблюдали за морем или подерживали боевую готовность. Комендоры ели борщ и макароны с мясом у шести сорокапятимиллиметровых пушек на носовой палубе.

Постепенно туман рассеялся. Дальномерщик доложил командиру, что на зюйде показались дымы каких-то кораблей. Шли суда в конвое. Передний миноносец, не поняв наше маневрирование, просемафорил: «Ваш путь ведет к опасности». Где-то были поставлены противником мины.

От конвоя отделились два тральщика и морской охотник. Приблизившись к нам, поставили тралы и пошли впереди. Вскоре с тральщика в мегафон закричали:

— Стоп! Задний ход!

Чуть ли не под носом «Полярной Звезды» трал подцепил мину.

Наша смерть была черной, рогатой и полукруглой. Она еще не успела обрасти ракушками и зловеще поблескивала жирно смазанными боками. Пока мы стояли, минеры оттащили ее подальше и попросили комендоров морского охотника расстрелять.

Катерники со второго выстрела попали в мину. Сверкнул огонь. Высокий столб воды поднялся к небу. Воздух жарко ударил нам в лица...

Ночью мы подошли к берегу и бросили якорь в бухте против затемненного поселка. Здесь «Полярная Звезда» была заманчивой мишенью для вражеских субмарин и торпедных катеров. Утром мы подтянулись к недавно построенному пирсу и приткнулись к стенке. Но левый борт «Полярной Звезды» все равно оставался плохо прикрытым. Надо было обращаться к командованию с просьбой поставить хоть какие-нибудь боны и противолодочные сети.

В этой бухте наша «Полярка» должна поить, кормить, снабжать электроэнергией, снарядами и торпедами весь выводок «щук» и «малюток». Делалось это в темное время суток, чтобы авиация противника не заметила притопленных стальных «деток», прильнувших к борту «матки». Ночи светлые, только на час или два наступали зеленоватые сумерки. Обслуживающим специалистам приходилось торопиться, чтобы первые лучи солнца не застали подводные лодки около «Полярной Звезды».

Спустя несколько дней гитлеровцы поняли, что в Лужской губе стоит «матка» подводных лодок. Поэтому они эскадрилей напали на нас. Стоять неподвижно было рискованно. На «Полярной Звезде» заработали машины, и она отошла от пирса в залив. Здесь можно было маневрировать.

Еще через три часа над заливом появилось двенадцать бомбардировщиков. Наши зенитки открыли бешеный огонь. Вокруг стоял невообразимый грохот — невозможно было разобрать отрывистых команд и докладов. Люди понимали друг друга по жестам.

Не решаясь на пикирование в лоб, гитлеровские летчики разошлись звеньями и начали заходить для атак с разных сторон. Посыпались бомбы с большой высоты. Их отвратительный вой, казалось, проникал в мозг и кровь. Невольно охватывал страх, появилось желание сжаться в комок. Но нужно было отбиться, не обращая внимания ни на что.

Я напряженно следил за тем, как бомбы отделялись от самолетов, и по их полету старался угадать, куда они упадут. «Полярная Звезда» то двигалась вперед, то отработывала задний ход, то разворачивалась.

Бомбы падали так близко, что обдавали палубы грязью и осколками. Корабль вздрагивал от взрывов, стонал и скрипел. И мы думали: только бы не сдетонировали торпедные взрыватели!

Стволы наших пушек раскалились. Снарядов уже осталось мало. Надо было подготовить новые и подать наверх. Мне приказали оставить кормовой пулемет и создать живой конвейер от погреба до носовой палубы для передачи снарядов.

Я заглянул в кают-компанию. Там сидели с носилками восемь музыкантов в белых халатах. По боевому расписанию они превратились в санитаров. В закрытом помещении, когда ничего не делаешь, страшней, чем наверху: вслушиваешься в шум боя и ждешь гибели.

В эту минуту раздался вой падающих бомб. Он нарастал, заглушал грохот боя. Музыканты втянули головы в плечи и невольно закрыли глаза...

Взрывы встряхнули корабль, висевший на переборке репродуктор сорвался с крюка и упал на голову кларнетисту. Тот повалился на палубу и, не открывая глаз, завопил:

— Убит... я убит!

Перепуганный кларнетист был столь комичен, что, несмотря на драматизм нашего положения, вызвал дружный смех. Нервам полезна разрядка.

Я растолковал музыкантам, что нужно делать, и мы создали живую цепь от погреба до носовой палубы.

Наконец послышался отбой воздушной тревоги. Когда я вышел наверх, то увидел на берегу два больших костра. Это догорали сбитые нашими комендантами «юнкерсы».

Прилетят ли сегодня еще раз?

Мы наспех поужинали и принялись набивать пулеметные ленты, подготавливать снаряды в ожидании нового налета. Многие понимали, что «Полярная Звезда» спаслась чудом. Следующий налет может стать последним.

В СКОРЕ к кораблю подошел катер с командиром дивизиона подводных лодок — круглолицым капитаном третьего ранга Владимиром Алексеевичем Егоровым, воевавшим добровольцем в Испании. Он был обеспокоен налетом авиации. По тревоге его «щуки» успели погрузиться под воду. Но беспорядочно сброшенные гитлеровскими летчиками бомбы чуть не погубили одну из них. Близким взрывом «щуку» так подбросило, что она едва не погибла.

— Нужно ждать худшего, — сказал комдив. — Не сегодня, так завтра они здесь разбомбят все, что увидят. Надо связаться со штабом и покинуть бухту ночью. Утром будет поздно.

Радиостанции базы немедленно соединились со штабом флота, но определенного ответа не получили. Видимо, на месте не было того, кто мог распоряжаться.

— Я слетаю туда на мотоцикле, — сказал Егоров.

Решительный комдив, погрузив мотоцикл на катер, переправил его на берег и укатил по приморскому шоссе. Мы остались ждать.

Часа через три по радио пришел приказ: быть готовым к отходу в 24 часа. За нами придут тральщики.

В полночь они не пришли. В Лужскую губу примчался морской охотник и предупредил, что отход переносится на 2 часа.

С прибытием тральщиков выяснилось, что нам без лоцмана не выйти из Лужской губы, так как она закрыта противолодочными сетями. А когда и где будешь искать лоцмана? Пришлось выходить без него. Не зная прохода, мы, конечно, днищем зацепили сеть и потащили ее за собой.

Пока освобождались от стеклянных шаров сети, начало светать. В путь за тральщиками «Полярная Звезда» двинулась только в шестом часу. Но на этом наши злоключения не кончились. Минут через двадцать на быстроходном катере нас нагнал вернувшийся из штаба Егоров. Он был рассержен.

— Что же вы не дождались меня?

И приказал:

— Поворачивайте. Без тральщиков подводные лодки не поведу. Тут могут быть мины.

И всем кораблям пришлось поворачивать назад. Настроение препаршивое. Казалось, что мы уже вырвались из смертельно опасной бухты, и вот вновь надо возвращаться к Усть-Луге. Уже рассвело, сейчас над Лужской губой появятся бомбардировщики. Они увидят нас и, конечно, не отвяжутся...

Стоя на своих постах, мы с волнением всматривались в розоватое безоблачное небо. Нервы были напряжены до предела.

Самолет появился не с той стороны, откуда мы ждали. Его заметили зенитчики тральщика и сразу же открыли заградительный огонь. Гитлеровский разведчик сделал круг на недосягаемом для снарядов расстоянии и скрылся за черневшей на берегу кромкой леса.

Он приведет за собой бомбардировщиков.

Нот вот показались черные рубки трех подводных лодок. Под охраной катеров они двигались навстречу.

«Полярная Звезда» и тральщики вновь развернулись на сто восемьдесят градусов. Наконец все корабли конвоя, построясь в походный порядок, легли курсом на Ленинград. Если бы не путаница, мы бы ушли из Лужской губы в темное время. Теперь же нам достанется в пути...

На нас напал только один самолет. От нескольких взрывов корабль закачался, мелко задрожал. Оказывается, самолет ринулся из-под солнца, и мы его не сразу заметили. Но огонь открыли своевременно. Он не сумел прицельно сбросить бомбы.

Мы благополучно прошли Шепелевский маяк, оставив его справа. У Толбухинского маяка, который виднелся слева, все наблюдатели радостно вздохнули: «Живем! Теперь никто не решится нагнать нас». Здесь гитлеровцев встретят наши истребители и зенитные снаряды фортов.

Пройдя Кронштадт, мы узнали, что утром был большой налет авиации на Усть-Лугу. Более сорока самолетов сбрасывали бомбы и обстреливали дома и причалы. Пикирующие бомбардировщики утопили землечерпалку, плавучую мастерскую, водолазный бот и несколько баркасов — в общем, все, что было на воде.

Нам повезло. Мы ушли своевременно.

Позже, когда немцы подошли к Пулковским высотам, с «Полярной Звезды» списали на сухопутный фронт больше роты старшин и матросов. На корабле осталось очень мало людей. Я тоже был откомандирован в Кронштадт, там стал редактировать многотиражную газету «Балтиец».

В трудную блокадную зиму я видел «Полярную Звезду» вмерзшей в лед Невы. Она стояла против Зимнего дворца вся в серебристом инее. На ее борту виднелся одинокий вахтенный, закутанный в длинный тулуп.

Потом, когда Финляндия выбыла из войны, стало известно, что «Полярная Звезда» отправилась к берегам Суоми, где опять служила «маткой» подводных лодок, топивших бегущих с нашей земли оккупантов.

После войны имя «Полярной Звезды» в печати не упоминалось. В ее формуляре значилось: «Выполняла обязанности вспомогательного судна». Ей было уже свыше полувека. Время брало свое: корабль старел, разрушался. Он уже не мог самостоятельно двигаться, в негодность пришли машины. В начале шестидесятых годов решили бывшую царскую яхту сдать на слом. Но тут ей повезло. Кто-то предложил сделать ее кораблем-целью. Надо было испытать меткость и силу ракет. Командование согласилось: «Пусть погибнет как боевой корабль».

С «Полярной Звезды» сняли дорогую обшивку бывших царских покоев и верхних кают, одряхлевшие машины, помпы, приборы, четырнадцать букв имени, заварили иллюминаторы. Потом два чумазных буксира потащили ее на далекий морской полигон и там поставили на бочки. Якорей на яхте уже не было.

С корабля, осмотрев все его закоулки, сошла последняя швартовая команда. И он, обшарпанный, слепой, без имени, одиноко закачался на волнах в ожидании своего последнего часа...

Поздним вечером перед быстрыми катерами поставили задачу: «Найти в море крейсер «противника» и уничтожить ракетами».

Они вышли на поиски в кромешной тьме. Катерники верили в точность своих приборов и мощностю оружия, но это нужно было проверить на деле. Море штормило. Сильный ветер срывал пену с вершушек волн. Во мгле трудно было что-либо различить. Помогли новые точные приборы. На зеленоватом экране индикатора замелькали сперва неясные, а затем четкие световые пучки.

— Цель обнаружена! — доложил вахтенный.

Командир головного катера скомандовал:

— Ракетная атака! — Выдержал некоторое время и добавил: — Старт!

Катер дрогнул. Над его кормой вспыхнуло яркое пламя, и бурое облако заволокло палубу. Моряки видели, как ракета вырвалась и с нарастающей скоростью пошла на цель...

Вскоре по радио пришло сообщение от наблюдателей:

— Цель поражена. Ракета пробила насквозь борт корабля. «Полярная Звезда» горит.

Второй катер тоже выпустил свою ракету. Она попала в корму горящего корабля и разворотила ее...

Когда наступил рассвет, палубные надстройки «Полярной Звезды» навсегда скрылись под мутными волнами вихрящейся Балтики. Остался только рапорт о поражении цели.